

1. Зеленые

Наиболее мощным общественным движением кануна Перестройки было экологическое. По мнению С.Забелина, «Движение Дружин по охране природы почти двадцать лет было единственным реальным неформальным общественным движением. Возникнув из гениального эмбриона времен первой оттепели, оно развернулось в унисон студенческим волнениям, охватившим в 1968 году почти весь мир. И с тех пор — несмотря на кризисы — пережило “застой”, “ускорение”» и многие другие социальные катаклизмы, никем и никогда не зарегистрированное, официально непризнанное и тем не менее — живое, активное»¹. Несмотря на то что движение дружин все же было далеко не единственным неформальным потоком «застойного» СССР, оно действительно показало наибольшую эффективность и мобилизационную способность.

Неформальное экологическое движение в СССР и в других странах возникло как реакция на первые признаки кризиса индустриального общества. В Советском Союзе это произошло в 1958—1960 гг., когда возникли первые дружины охраны природы (ДОП) — студенческие группы, на общественных началах занимавшиеся природоохранной работой.

Возникновение экологического движения было связано с общественным подъемом, известным как «оттепель», и нарастанием экологических проблем в связи с урбанизацией — отрывом населения от традиционной крестьянской среды, имевшей собственные механизмы регулирования отношений человек-природа. Дружинники относили к причинам возникновения своего движения «информационный, пропагандистский взрыв в области природоохранной тематики... противоречие между растущей общественной активностью студенчества и возможностями самовыражения, самоутверждения, имеющимися в вузе»². Впрочем, авторы упоминают и другие формы самовыражения — научную работу, стройотряды реставраторов, работу в детдомах. Дружины отличались от других формирований своей активностью, способностью к действиям, не контролируемым сверху. А это в 60-е гг. «дорогого стоило». Романтика ДОПовской работы позволяла молодым биологам хотя бы на время «спрятаться» от упорядоченности «застоя» и при этом принести пользу обществу и природе.

Проблемы с «самореализацией молодежи» в вузах стояли всегда, а движение дружин стало расти после информационного взрыва на почве экологии, связанного прежде всего с Байкальским движением. В этом отношении ДОПы продолжили дело, начатое отечественной интеллектуальной элитой в середине 60-х гг.

В 1960—1968 гг. существовало только две организации дружинного типа (в Москве и Тарту), причем до 1968 г. — изолированно друг от друга. В 1968—1969 гг. дружины возникли в Ленинграде, Ереване, Томске, Харькове, Брянске. По мнению О.Яницкого, расширение дружинного движения было результатом «распространения опыта» сверху³. Однако неясно, почему эта «мультипликация» пришла на 1968 г., когда власти осторожно относились к подобным инициативам. Более убедительной представляется версия самих дружинников, считающих, что распространение дружинного опыта шло «по горизонтали», в результате установления контактов между биологами в разных городах⁴. В 70-е гг. движение росло вширь и начало координировать свою работу на различных неформальных встречах и официально санкционированных семинарах⁵. В середине 70-х гг. в 39 дружинах работало около 2,5 тысяч человек (всего дружин было более 40). Дружинники задерживали нарушителей природоохранного законодательства, публиковали статьи в прессе, вели исследовательскую работу⁶.

О.Яницкий относит к обстоятельствам, обусловившим подъем экологического движения 60-х гг., также «создание “большой химии”, строительство атомных и гидроэлектростанций, освоение целинных земель Сибири»⁷. Однако эта точка зрения переносит на 60-е гг. стереотипы экологического движения более позднего периода. Промышленные предприятия практически не были объектом кампаний природоохранного движения вплоть до

конца 70-х гг. Наиболее крупный объект, против которого общественность выступала в те годы, — Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Но это движение, где ДОПы не играли самостоятельной роли, потерпело фактическое поражение — предотвратить строительство не удалось.

Главным противником экологов вплоть до конца 70-х гг. были браконьеры (особо опасные — охотники и более массовые нарушители — порубщики елок). Столкновения с браконьерами могли привести к гибели дружинника. Нередки были и драки с порубщиками елок и другими противниками⁸. «Это был не кружок, не клуб, а именно дружина, сплоченная, боевая организация, участие в которой требовало личного мужества. Браконьер был всегда вооружен и со своей добычей не собирался добровольно расставаться⁹», — справедливо отмечает О.Яницкий. Участники движения вспоминают: «Нередки были случаи сопротивления инспекторам и даже угрозы оружием... А инспекторов не хватало. Так, на выезде в румянцевское охотничье хозяйство на Тросненское озеро Д.Кавтарадзе был вынужден послать на задержание нарушителя двух первокурсников. Нарушитель, почувствовав недоброе, взвел курки своей двустволки и “посоветовал” уйти. И они ушли, так как для А.Кубанина и С.Забелина это была их первая встреча с нарушителем. Потом им не раз и не два приходилось задерживать нарушителей всех сортов, но этот так и остался неоплаченным долгом»¹⁰, — вспоминали участники движения.

ЗАБЕЛИН Святослав Игоревич

1950 г. рождения. В 1972 году окончил биологический факультет Московского государственного университета (МГУ). В 1979 году защитил в МГУ кандидатскую диссертацию по биологии. В 1976—1979 годах работал младшим научным сотрудником биофака МГУ; в 1979—1986 годах — заместителем директора Сунт-Хасардагского заповедника (Туркмения); в 1986—1988 годах — старшим научным сотрудником Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР; в 1989—1990 годах — старшим научным сотрудником Института истории естествознания и техники АН СССР.

С мая 1989 года по декабрь 1991 года был помощником народного депутата СССР академика А.Яблокова. В 1991—1993 гг. — начальник отдела в службе Государственного советника Российской Федерации по экологии и здравоохранению, а затем — советника Президента РФ по экологии Яблокова.

Автор десятков статей по физиологии, энтомологии, заповедному делу, проблемам общественного движения.

Общественной деятельностью стал заниматься во время учебы в Университете в рамках Движения Дружин по охране природы. В 1967 году стал членом Дружины по охране природы биофака МГУ, в 1970 году — координатором Движения Дружин по охране природы, с 1977 по 1979-й год был председателем Координационного совета Движения.

Впоследствии — лидер Социально-экологического союза¹¹.

По мнению куратора дружины МГУ В.Тихомирова, значительная часть руководителей дела охраны природы и видных ученых биологов прошла

через дружинное движение¹². В дружину шли самые разные люди — действительно озабоченные делом охраны природы, те, кто желал почувствовать власть, любители хорошего времяпрепровождения¹³. Иногда и сами дружинники уличались своими товарищами в браконьерстве¹⁴. Наиболее серьезной основой для противоречий в дружине была смена состава. Часть его была текуча, что неизбежно при студенческой жизни, часть — постоянна, так как ряд активистов продолжал работать в дружине, окончив вуз. О.Яницкий, проанализировав свои беседы с участниками движения, пишет: «Периодически возникали трения между “новыми лидерами”, стремившимися все делать по-своему, и корпусом “стариков”, бывших носителями дружинных традиций. Однако и эта напряженность и даже конфликты имели в конечном итоге стимулирующий для этой организации характер. Вообще ожесточенные, до хрипоты споры, “бросание портфеля”, демонстративные “уходы” были нормой жизни ДОП и чрезвычайно редко приводили к деструкции организации как таковой»¹⁵.

О.Яницкий считает, что «создание ДОП было одной из форм “политики очень малых дел”, при помощи которой Система пыталась в очередной раз мобилизовать вновь создаваемые кадры молодой советской интеллигенции в своих интересах... ДОП была не только, и даже не столько “орудием борьбы” в защиту природы, сколько очень важным средством социализации, содержащим элементы игры в процессах профессионального обучения студентов и привития им определенных бойцовских качеств, абсолютно необходимых для участия в природоохранной деятельности... И сама организация, и ее активность начинались с борьбы с браконьерством и пропаганды (лекций). В сущности, это была вполне советская интерпретация охраны природы как “борьбы с нарушителями и идеологической обработки населения...” Поэтому по большому счету, Движение ДОП не играло серьезной роли в охране природы (критерии «серьезности роли» не ясны — А.Ш.), оно было механизмом обучения, школой подготовки будущих эоактивистов»¹⁶. Но и это немало для 60-х — 70-х гг., особенно если учесть агитационный эффект самого существования дружин.

Дружинники вспоминают: «Открытые собрания в нашем маленьком штабе носили весьма своеобразный характер: спорили всегда и по каждому вопросу, часто говорили все сразу, горячо, увлеченно; и попутно у каждого входящего выясняли, где он был, из каких странствий возвратился, что видел, а потом снова возвращались к обсуждению всяких спорных, несомненно важных для каждого вопросов»¹⁷. «Дружина была той единственной ячейкой, где можно было свободно, без напряжения общаться на любую тему...»¹⁸ — вспоминает один из участников движения. Этот стиль близок «московским кухням», породившим диссидентское движение. Но в отличие от этой среды у неформалов было практическое дело, которому были посвящены собрания. Экологи были не просто самостоятельны, они были самодельными. Поэтому здесь энергия пока находила применение и не требовала радикализации сознания и действия, которые привели многих споришников «кухонь» в ряды диссидентов.

Отношения дружин и официальных структур были весьма сложными. В доперестроечный период неформальные группы действовали «в рамках» официальных структур, то есть формально отчитывались перед ними и позволяли включать свои успехи в «отчеты о проделанной работе» этих организаций. Этот «симбиоз» не предполагал, однако, существенного контроля со стороны «вышестоящих» структур за деятельностью дружин. Разумеется, при условии их работы в рамках легальности. Материальная поддержка дружинам оказывалась как «курирующими организациями» (точнее — симпатизирующими движению руководителями), так и профсоюзными организациями. Дружинники часто ездили на свои слеты на выписанную для этого профкомом матпомощь¹⁹. ДОПы действовали под прикрытием официальных организаций — инспекций охраны природы, ВООП и др. Дружинник мог задержать браконьера только если имел удостоверение инспекции. Но в «курирующих» учреждениях отношение к дружинной самостоятельности было различным, иногда — враждебным (особенно опасались конкурентов организации ВООП, в которых, однако, у ДОПов были свои «агенты»²⁰.) Недоверие к ДОПам вызывалось и тем, что дружинники подчинялись по службе вузовскому руководству, а не природоохранному. На месте своей работы ДОПы были независимы. Но именно поэтому они не управлялись и вузовским начальством, которое было далеко от «театра военных действий». Как Колобок из русской сказки: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел». «Поначалу дружины контролировались факультетскими комсомольскими организациями. Однако чем более профессиональные задачи ставили эти дружины... тем более этот политический контроль “сверху” становился трудноосуществимым, а потому — формальным. С другой стороны, окрепнув и наладив между собой связи, дружины начали упорную борьбу за свою автономию — организационную и идеологическую»²¹, — считает О.Яницкий. Впрочем, по мнению дружинников, все происходило как раз наоборот — московская дружина пыталась наладить контакт с Бюро ВЛКСМ МГУ и даже отчитаться перед ним о своей работе, но комсомольский орган не захотел общаться с неформальной структурой. Поддержку гражданской инициативе оказала парторганизация, после чего комсомолу волей-неволей пришлось признать дружину²². О.Яницкий даже считает, что по мере роста движение становилось более формальным, «погружалось» в социальные институты «Системы»²³. С тезисом о формализации движения по мере расширения трудно согласиться. Во-первых, оно всегда было «погружено в институты», и приводимые О.Яницким факты не свидетельствуют о чем-то новом в развитии ДОПов. Неформалы тем и отличаются от диссидентов, что действуют без оглядки на формальные грани режима и отчасти сотрудничают с ним при решении задач, представляющих «взаимный интерес». Во-вторых, впечатление о «формализации» может возникнуть при абстрактно-социологическом подходе, когда на первый план выходят формально очерченные организации, «системы». Но в реальности действуют живые люди, руководствующиеся разной логикой (неформальной, официальной, смешанной в разных пропорциях), и даже при глубоком «погружении» в «институты Системы» не было ясно, кто кого контролирует, так как

дружинники, как правило, были активнее других членов бюро ВЛКСМ и иных официальных структур. Их представители входили в комсомольские органы²⁴, что позволяло ДОПам проводить свою линию в ВЛКСМ. Даже в «худшие времена» неформалы не вполне управляемы — в этом их качественная характеристика. Устойчивая формализация движения заметна лишь на грани 70-х и 80-х гг., но связана не с расширением и «погружением», а с давлением властей, почувствовавших неподконтрольность «зеленых».

В то же время, по мнению О.Яницкого, «дружинное движение не носило протестного характера. Оно действовало в русле государственной политики, помогая государственным органам и официальным общественным организациям в деле охраны природы»²⁵. Это утверждение не совсем точно. Кампаний протеста дружины не проводили, но и в русле государственной политики не вписывались (не случайно они так и не были полностью формализованы). С.Забелин вспоминает, что «некоторые дружинники говорили в частных разговорах, что “дружина — это легальный способ критиковать советскую власть”». Нередко власть оказывалась для нас не союзником, а противником»²⁶.

Начиная с 1966 г., дружины выступали с инициативами, направленными на расширение природоохранных разделов партийных документов, выступали против применения опасных технологий, на которые сделали ставку ведомства²⁷. Эти выступления предвосхищали будущие массовые экологические кампании 1981—1990 гг., направленные на изменение позиции государственных органов. Важнейшим средством работы становилось лоббирование интересов охраны природы через потоки писем и организацию статей в газетах, подготовка рекомендаций для органов власти.

Взаимоотношения с официальными структурами формировало неповторимые черты отечественных «зеленых», отличавшие их от коллег в Западных странах. «Фактически Движение Дружин продолжило и развило традиции республиканских Обществ Охраны Природы 30—40-х годов. С одной стороны, студенческие Дружины, как и другие общественные организации того времени в России, Европе и Америке, вели пропагандистскую работу, собирали конференции для обсуждения острых проблем... — рассказывает С.Забелин, — с другой, занимались непосредственной борьбой с нарушениями законодательства об охране природы, борьбой с браконьерством, выполняя функции государственных органов — и в этом аналогов им в западном мире найти невозможно.

Была и политическая “составляющая”, политическая “грань” этого движения. Это была реальная всесоюзная самоуправляемая организация, независимая от КПСС и ВЛКСМ, значительная часть активности которой была связана с критикой деятельности государственных органов, школа или “остров” вольнодумства, легально существовавший в период “застоя”»²⁸. Но в целом дружинники старались удерживаться в рамках биологической тематики. Этот биоэкологизм, сформировавшийся в условиях авторитарного режима, будет характерен для большинства лидеров, прошедших школу ДОПов, и позднее.

Однако попытки работы по чисто биологическим проблемам всесоюзного масштаба неминуемо вели к постановке социальных вопросов, что было опасно. Поэтому, выступая за преодоление «узких рамок» движения, авторы заключительного документа дружинного семинара 1976 г. «Современный этап студенческого движения за охрану природы. Характер. Проблемы. Задачи» (его проект составил С. Забелин) ссылались на «молодых ребят, юношеский максимализм которых не согласен на дела масштаба меньше всесоюзного»²⁹. Напомнив властям о своей молодости, участники семинара заявили: «Пора каждой дружине сообразить, что она — часть движения студентов за охрану природы, осмыслить свою работу как часть работы коллектива студентов в несколько тысяч студентов»³⁰. А осмыслив, бороться не только с отдельными фактами, но и с социальными явлениями: «например, борьба с браконьерством при таком рассмотрении имеет целью не столько задержание нескольких нарушителей, пусть даже злостных, сколько влияние на браконьерство как явление»³¹.

Еще в 1974 г. дружинники стали разрабатывать социальные темы (в частности, анализировать браконьерство как социальное явление)³². Переход дружин к анализу социальных предпосылок экологических проблем в СССР уже привносил в движение элемент оппозиционности — значит, социальные отношения «реального социализма» способны порождать такое «негативное явление», как браконьерство. Во второй половине 70-х гг. дружины считали своей задачей «гармонизацию отношений между природой и обществом»³³ (значит, «реальный социализм» не привел к такой гармонизации). Считалось, что «борьба с браконьерством способствует формированию морально-этической базы нового мировоззрения у самих дружинников»³⁴. «Новое мировоззрение» могло означать что угодно, но это было нечто отличное от «старого» мировоззрения, диктуемого КПСС.

Движение, почувствовав свою силу, постепенно начинало осознавать свою оппозиционность, выражаемую пока в терминах смены поколений: *«Другая важная проблема, стоящая перед нашим движением — создание собственного представления об охране природы в нашей стране... А не обосновав его, мы не можем сформулировать в доступной и конкретной форме ответа на вопрос: “Зачем мы сохраняем природу? От кого? Для кого и для чего?” Нет собственной, отличной от официальной концепции охраны природы, а официальная — не устраивает, так как создана другим поколением, с других позиций»*³⁵. Казалось, такое заявление должно было вывести движение на задачу создания собственной социальной программы. Но этого не произошло, возможно из опасений реакции со стороны властей, возможно — из-за специфики образования большинства дружинников. Для того чтобы создать свою концепцию охраны природы, было признано целесообразным продолжить накопление фактического материала, прежде всего — биологического.

Несмотря на то что большая часть дружинных программ так или иначе была связана с социальными проблемами, в первой половине 80-х гг. в движении не возникло более или менее комплексной социальной позиции или идеологии. Вероятно, до начала Перестройки это было и невозможно. По-

степенно выделяясь из среды «советского общества», дружинники пока не ставили задачи его преобразования. Они рассчитывали на то, что «в конце концов руководство жизнью страны перейдет к специалистам нашего поколения»³⁶, и не учитывали, что система допускает к рычагам управления людьми, адаптированных к ценностям правящего слоя (о существовании которого дружинники открыто не говорили). Смена поколений руководителей играет роль в изменении политического курса, но не настолько, чтобы изменить принципы функционирования индустриальной системы. Однако в 70-е гг. дружинники еще просто не могли прийти к такому выводу и надеялись на то, что им удастся рано или поздно оказаться у власти и изменить порочную ситуацию. Именно тогда С.Мухачев выдвинул лозунг «У природы везде должны быть свои люди»³⁷. Надежды на подобную «инфильтрацию» сохранились у ветеранов «дружинного поколения» и много позднее.

Стратегические задачи дружинников были тесно связаны с педагогической работой: *«ни в отечественной, ни тем более в мировой науке нет конструктивного представления о том, каким должен быть человек, чтобы желаннее сохранить природу в равновесии с обществом руководило его поведение в самом широком смысле этого слова... Создание же представления о человеке будущего — исключительно наша задача. Наша — потому что мы биологи и наиболее ясно представляем как потребности человека, так и нужды природы. Наша — потому что старое поколение, воспитанное в крайне неблагоприятных психологических условиях, тоже нам не поможет. Наконец, нам нельзя надеяться на конструктивную помощь из-за рубежа, так как очевидно, что необходимая модель — модель человека коммунистического общества и никакого другого»*³⁸. Последнее высказывание может показаться или формой камуфляжа, или проявлением того самого «юношеского максимализма», о котором дружинники говорили выше. Однако последующие события показали, что вожди дружинного движения в значительной степени сохранили приверженность социалистическому мировоззрению, так как капиталистическая система продемонстрировала низкую эффективность в решении экологических проблем. «Максимализм» проявляется здесь в другом — в пренебрежении идеями, возникшими в других странах (пока еще прежде всего по незнанию), в уверенности, что именно биологи (без привлечения специалистов-гуманитариев) могут создать модель идеального человека. Забывая о том, что человек — это не только животное, юные максималисты готовились к собственной педагогической работе, к «созданию человека будущего, которого мы должны воспитать из современных детей»³⁹. Впрочем, больших успехов на этой ниве достичь не удалось, пересечения дружинного и педагогического движения были незначительны. Впоследствии биологический гегемонизм в экологическом движении ослаб, но полностью не исчез и поныне.

Дружины испытывали естественное стремление к интеграции, но «курирующие» органы и даже КГБ следили за тем, чтобы в стране не возникло независимой от КПСС и ВЛКСМ всесоюзной общественной структуры. «Идея создания Союза витала в воздухе давно, выпускники студенческих Дружин по охране природы еще в 1979 году попытались как-то объеди-

ниться вне стен alma mater, но не получилось»⁴⁰, — вспоминает С. Забелин. После этой попытки с организаторами ДОПовских конференций «органами» были проведены угрожающие беседы. Забелин предпочел после этого принять предложение уехать на работу в Туркмению, где и находился до 1986 г.

Давление «органов» привело к тому, что в конце 70-х гг. социальные мотивы постепенно сводятся к минимуму в документах дружинного движения, зато возрастает роль апелляции к органам ВООП и ВЛКСМ⁴¹. В центре внимания дружинников оказывается контроль за выполнением природоохранного законодательства⁴². Налаженные прежде координирующие структуры движения ослабевают⁴³.

Принятое 29 сентября 1982 г. примерное положение о студенческой дружине по охране природы предполагало, что дружина «организационно оформляется на базе существующих в вузе (на факультете) структур» и в своей деятельности отчитывается перед комитетом ВЛКСМ. Подтверждались централизованные, военизированные начала работы дружин: «Работа в дружине строится на началах строгой дисциплины: добровольно вступив в ее ряды, дружинник обязан беспрекословно подчиняться решениям Штаба и Командира и ответственно относиться к возложенным на него обязанностям»⁴⁴. Это «диктаторство», по словам С. Забелина, было обусловлено «огромной ролью опасной оперативной работы в жизни Дружин — под дулом не дискутируют, а слушают старшего выезда или группы»⁴⁵. В 70-е гг. несколько дружинников погибло в столкновениях с браконьерами. В то же время примерное положение определяло, что дружинная работа является «видом неформального образования в области охраны природы»⁴⁶. Слово «неформальный» еще не имело того значения, которое оно получит во второй половине 80-х гг., но уже означало нечто неофициозное, самостоятельное.

В 1982 г. наметились признаки нового подъема ДОПов. Семинары стали брать на себя задачи органов единого движения (своего рода конференций). Это подтверждает решение казанского семинара 1982 г. о том, что именно этот орган или конференция может принимать или вносить поправки в примерное положение (фактически — устав) о дружине⁴⁷. Начался переход к такой форме работы, как контроль за загрязнением окружающей среды⁴⁸, что означало выход на проблему, гораздо теснее связанную с глубинными пороками системы, чем браконьерство. В феврале 1984 г. на семинаре в Свердловске эта проблема была признана приоритетной, обогнав даже браконьерство⁴⁹. А ведь загрязнения были преступлением не рядовых граждан, а администрации. Социальные мотивы снова стали звучать в заключительных документах дружинных семинаров, посвященных и более скромным проблемам, например — сохранению птиц: «*Ведение оперативной работы на рынках осложняется тем, что существующий спрос любителей в настоящее время не удовлетворяется (частично или полностью) законным путем*»⁵⁰. Дружинам удавалось добиваться введения экологических рубрик в периодических изданиях, началось создание междружинной библиотеки,

которая обеспечивала циркуляцию информации, не всегда выгодной властям. К 1983 г. количество дружин перевалило за 60⁵¹.

В это же время новые функции стала брать на себя и официальная экологическая общественность, причем практические результаты ее деятельности не уступали «неформальным». Заместитель председателя Всероссийского общества охраны природы А.Ган рассказывал: «В середине 80-х гг., в пору острого обострения экологического кризиса в нашей стране, у общества появились новые задачи, связанные с экспертизой конкретных объектов. Мы усиливали природоохранную пропаганду среди населения. Более массовыми и систематическими становятся рейды проверки природных ресурсов. ВООП мобилизовывала общественность на такие практические дела, как расчистка рек, родников и так далее. Это, кстати, продолжается до сей поры каждый год.

Калининская АЭС имеет только общественную экспертизу ВООП, государственная по ней вообще не проводилась. Благодаря общественной экспертизе, начатой в начале 80-х гг., удалось впоследствии на какое-то время законсервировать строительство одного из блоков. Мы участвовали с рядом государственных организаций в экспертизе Кавказской перевальной железной дороги, которая должна была пройти через районы Кабардино-Балкарии и Ингушетии, представляющие большую экологическую ценность. Я участвовал в совещании у зампредсовмина, выступая против этого. В 1985 г. строительство было законсервировано⁵².

С экологическим движением тесно смыкалось культурозащитное. Несмотря на конформизм руководства Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), активная часть его членов участвовала в небольших акциях протеста (прежде всего сборах подписей) против разрушения памятников культуры ведомствами. Несмотря на могущество строительных и архитектурных ведомств, уничтожавших старую застройку, защитникам культуры удалось спасти от разрушения немало памятников, уже приговоренных к уничтожению (часть старинной застройки на ул.Разина, палаты на Кропоткинской ул., церковь Симеона Столпника в Москве, старая застройка на Невском проспекте в Ленинграде).

В экологическом и культурозащитном движении участвовали писатели-«деревенщики», которые привлекали к проблеме разрушения природных и культурных объектов значительное общественное внимание. Экологические последствия прогресса были наиболее ярким подтверждением консервативных идей: *«Так вот, когда я приехал в Вологду, никто ничего о рыбе не писал, никто не спасал, но Вологда была рыбой завалена... Теперь каждый месяц — полоса о спасении, а рыбы нет... Я думаю, что от слов пора переходить к делу, или сначала — делать, а потом — писать. И вот пока у нас в Вологодской области защищали рыбу, рыбы не стало. А причины я вижу в том, что слишком много удобрений стали бросать на пашню... Ведь знали, к примеру, что прошлый или позапрошлый год будет дождливым и, стало быть, все удобрения будут смыты в водоемы. Так нет, все равно удобряют, потому что, согласно плану такой-то пятилетки, нужно увеличить*

*количество удобрений в пять раз, и будьте здоровы!»*⁵³ — говорил В.Астафьев в 1979 г.

Союз экологов, защитников культуры и славянофилов дал жизнь наиболее мощному общественному движению кануна и начала Перестройки — движению против поворота северных рек. Принципиальное решение о направлении вод рек Онеги, Северной Двины, Сухоны, Печоры и Оби на юг для орошения южнорусских, украинских и среднеазиатских земель было принято на уровне съездов КПСС и пересмотру не подлежало.

С проектом переброски северных рек были связаны солидные номенклатурные интересы могущественных ведомств. Еще в 1976 г. противники проекта могли высказаться против него на страницах «Литературной газеты». Но затем было наложено табу на критику проекта в прессе. Положительные упоминания о нем появлялись даже в детской литературе. Тем не менее в 1981 г. началась циркуляция открытых писем, критикующих проект. Наибольшую известность приобрело письмо авторитетного писателя-«деревенщика» В.Белова «Спасут ли Каспий Вожа и Лача?» Обращая внимание на узкую специализацию инженеров, разрабатывающих проект переброски рек, В.Белов призывал ученых: «Скоординировать свои знания и действия за круглым столом — нравственный долг, долг совести представителя науки»⁵⁴. Так была заложена основная цель движения — остановка проекта путем его научной критики учеными различных направлений.

В 1981—1982 гг. противники проекта разворачивают агитацию в среде гуманитарной интеллигенции, формируется постоянное ядро движения в несколько десятков человек и лобби в АН СССР и Академии художеств. Постепенно в движение вошли писатели-«деревенщики» Ю.Бондарев, В.Распутин, В.Белов и др., академики Б.Рыбаков, В.Янин, Д.Лихачев, множество ученых рангом ниже.

В 1982 г. противники проекта передали в Политбюро письмо с развернутой критикой переброски на 120 страницах, которое поддержали 12 академиков. Материалы противников проекта показывали, что ирригационное земледелие неэффективно, что оно будет сопровождаться разрушением сотен уникальных культурных и природных объектов и приведет к необратимым экологическим процессам на русском Севере и в Средней Азии, что существует возможность рационализации водоснабжения на юге СССР⁵⁵. Письмо заставило провести совещание в ЦК КПСС, но еще важнее было влияние этих материалов на общественность. Почувствовав неладное, сторонники проекта «завалили» ЦК письмами в поддержку «переброски», угрожая в случае отказа от нее «замораживанием развития» Средней Азии⁵⁶.

Казалось, противники переброски рек — вполне лояльные подданные. Но это впечатление было поверхностным. Так, один из активных сторонников движения писатель В.Распутин в частном письме делал из планов переброски далеко идущие выводы: «Материалы поворота меня огулили. Никаких не может быть сомнений, что это сознательная акция, третий, четвертый или какой там по порядку решительный вслед за коллективизацией удар... Материалы сами по себе составлены настолько убедительно, так много говорят, что не понять их нельзя, значит их просто отказываются

понимать, значит опять, как в споре за Байкал в свое время: или гуманитарная, или производственная сила, а допустить, чтобы взяла верх гуманитарная сила, нельзя. Мы для них хуже всякого Рейгана»⁵⁷.

Конечно, основная часть активистов движения не мыслила так радикально и сохраняла лояльность к господствующей идеологии, пытаясь просто объяснить властям гибельность проекта. В этом был реальный шанс на успех движения, залог его роста. 3 февраля 1983 г. раскололась экспертная комиссия Госплана РСФСР — часть ее выступила против проекта. А 4—5 декабря 1984 г. в ходе двухдневной «баталии» активистам движения удалось «завалить» докторскую диссертацию автора проекта А.Березнера, посвященную как раз его детищу. Идее переброски рек был нанесен мощный теоретический удар.

19 февраля 1985 г. активистка движения В.Брюсова выступила на предвыборном собрании. Ее речь против переброски рек и спаивания народа (другая идея славянофилов, предвосхитившая будущую антиалкогольную кампанию) повергла в замешательство работников райкома, руководивших собранием. Движение на глазах перерастало в общественно-политическое.

23 октября Ю.Бондарев встречался с членом Политбюро В.Воротниковым и долго беседовал с ним об опасности поворота рек⁵⁸.

В декабре 1985 г. съезд писателей высказался за большее внимание проблемам экологии. Несмотря на абстрактность этого требования, оно позволило противникам проекта переброски рек в дальнейшем ссылаться на резолюцию съезда.

В конце 1985 г. начался прорыв экологов на страницы печати. Поводом стало «всенародное обсуждение» проекта основных направлений социально-экономического развития страны. По воспоминаниям С.Залыгина, *«противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати»*.

*Во время всенародного обсуждения проекта Основных направлений... общественное мнение восполнило это молчание — и периодическая печать оказалась заполненной протестами против переброски. Медики предупреждали, что переброска опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении, биологи утверждали, что пострадает флора и фауна сразу в нескольких речных бассейнах, геологи просто-напросто хватали проектировщиков за руку, поскольку они проектировали трассы каналов в заведомо неподходящих для этого грунтах, историки опасались гибели памятников нашей истории и культуры, агрономы, инженеры, экономисты, крупнейшие ученые приводили аргументы против, против, против»*⁵⁹.

Выступая в «Коммунисте» в 1985 г. С.Залыгин писал: «При современной технике мы можем очень многое, но “можем” и “можно” — разные вещи. У можно есть альтернатива — “нельзя”, “не следует”, “не нужно”, у “можем” такой альтернативы часто не бывает, оно обходится без всего того, что мы называем борьбой противоположностей, и выдает себя за необходимость: раз мы можем, значит нужно!.. Ведомство всегда стремится доказать, что оно работает на высоком современном уровне, а для этого нужно обзавестись собственной наукой...» Ведомственная наука одобряет ведомственные

проекты, не оценивая их разнообразные, не узкоспецифические последствия. Но и «высокая наука» заражена ведомственностью, связана с ведомствами. В итоге Залыгин приходит к выводу: «И еще одна задача совершенствования проектного дела — демократизация деятельности проектных организаций»⁶⁰. Под демократизацией понимался доступ общественности к обсуждению властных решений, обязательность учета «мнений со стороны». Практический опыт надолго сделал экологов и патриотов демократами — сторонниками более широкого воздействия общества на власть. Однако после победы в 1986 г., когда переброска рек будет отменена, точнее отложена, после успехов «демократизации» 1986—1991 гг. станет ясно, что активисты общественных движений понимают демократию по-разному, и некоторые из вариантов «демократии» разрушительно действуют на окружающую среду человека.

Экологическое движение продемонстрировало свою силу, способность добиваться решения конкретных проблем. В то же время оно было неуязвимо со стороны властей. С ним режим не мог не считаться. Это поможет движению одержать победу в 1986 г.